

Джесс

Джессика Томас вполне уловила иронию того, что потеряла лучшую работу в своей жизни из-за бриллианта. Не потому, что украла его, а потому, что не крада.

Джесс и Натали убирались в загородном доме мистера и миссис Риттер почти три года, с тех пор как загородный комплекс «Бичфрант» стал наполовину райским садом, наполовину строительной площадкой. Когда-то застройщики пообещали местным жителям доступ к плавательному бассейну и заверили, что крупная первоклассная застройка принесет немало выгод их крошечному приморскому городку, а не высосет из него последние капли жизни. Риттеры были обычными жильцами. Они приезжали из Лондона с детьми почти на каждые выходные. Миссис Риттер обычно оставалась на все выходные, а ее муж ночевал в Лондоне. Большую часть времени они проводили на ухоженной полоске пляжа и навещали городок, только чтобы залить дизель в свой семиместный автомобиль или пополнить запасы продуктов в торговом центре. Джесс и Натали убирались в их просторном, с четырьмя спальнями, доме, вы-

крашенном красками «Фэрроу энд Болл»¹, два раза в неделю, когда хозяева в нем жили, и раз в неделю, когда дом пустовал.

Был апрель, и, судя по пустым коробкам из-под сока и мокрым полотенцам, Риттеры жили в доме. Натали убиралась в смежной ванной комнате, а Джесс меняла постельное белье и подпевала радиоприемнику, который они носили с собой. Сдернув пуховое одеяло, она услышала звук, похожий на треск высокоскоростной пневматической винтовки. Там, где она жила, такие звуки раздавались нередко. Она была готова поклясться, что в «Бич-франте» пневматических винтовок нет.

Ее взгляд упал на сверкающую искру на полу. Она наклонилась у окна и подняла бриллиантовую сережку, зажав ее большим и указательным пальцем. Она поднесла сережку к свету и подошла к соседней двери, за которой Натали на коленях отскребала ванну. На спине Натали темнели полосы пота на месте лямок бюстгальтера. Утро выдалось долгим.

— Посмотри.

Натали поднялась и прищурилась:

— Что это?

— Бриллиант. Выпал из постельного белья.

— Он не может быть настоящим. Посмотри, какой большой.

Они глядели на сережку, пока Джесс крутила ее в пальцах.

— У Лизы Риттер не может быть поддельных бриллиантов. Не с их-то деньгами. Кажется, алмазы могут резать стекло? — Джесс задумчиво провела камнем по краю окна.

1 «Фэрроу энд Болл» — английский производитель дорогих красок и обоев на основе старинных образцов. — *Здесь и далее прим. перев.*

— Отличная мысль, Джесс. Продолжай в том же духе, пока стекло не вывалится. — Натали выпрямилась и сполоснула тряпку под краном. — Намного важнее, где вторая сережка.

Они вытряхнули постельное белье, заглянули под кровать, на четвереньках просеяли груды мусора на бежевом ковре, словно полицейские на месте убийства. Наконец Джесс посмотрела на часы. Они переглянулись и вздохнули.

Одна сережка. Главный ночной кошмар.

Вещи, которые они находили, убираясь в чужих домах:

- искусственная челюсть;
- сбежавшая морская свинка;
- давно потерянное обручальное кольцо (за это они получили коробку шоколадных конфет);
- фотография Клиффа Ричарда¹ с автографом (никаких конфет; владелица уверяла, будто впервые ее видит);
- деньги. Не какую-нибудь мелочь, а целый бирюзовый бумажник, набитый пятидесятифунтовыми банкнотами. Он завалился за комод. Когда Джесс отдала его клиентке — миссис Линдер, снимавшей в «Бичфранте» дом номер четыре на три месяца летом, — та посмотрела на него с легким удивлением. «А я гадала, куда он запропастился», — сказала она и рассеянно сунула бумажник в карман, как будто заколку или пульт дистанционного управления.

Не считая морских свинок, не так уж это и весело — находить ценные вещи. Одна сережка или пачка разрозненных банкнот — и клиенты косятся со смутным подо-

1 *Клифф Ричард* (р. 1940) — британский исполнитель поп-музыки, английский король рок-н-ролла.

зрением: не прикарманил ли ты остальное? Мистер Риттер наверняка предположит, что они припрятали вторую сережку. Он заставлял их испытывать чувство вины уже за то, что они находились в его доме. В дни, когда снился заметить их присутствие.

— И что нам делать?

Натали скатывала пуховое одеяло, готовя его к стирке:

— Положи где-нибудь сбоку. Просто напишем записку, что не смогли найти вторую. Это чистая правда.

Обычно они, заканчивая уборку, оставляли записку-другую, в которых сообщали, что именно сделано. Или вежливо напоминали, что им должны деньги.

— Написать, что мы перетряхнули все белье?

— Как хочешь. Я просто не хочу, чтобы она подумала, будто мы ее взяли.

Джесс закончила писать и осторожно положила сережку на листок бумаги:

— Возможно, вторая уже у миссис Риттер. Она обрадуется, что мы ее нашли.

Натали состроила рожицу, которая означала, что Джесс способна разглядеть светлую сторону даже в ядерном апокалипсисе.

— Лично я не смогла бы не заметить в кровати бриллиант размером с глазное яблоко. — Она бросила грязное белье за дверь спальни. — Ладно. Пропылесось прихожую, а я сменю постели детей. Если поторопимся, будем у Гордонов в половине одиннадцатого.

Натали Бенсон и Джессика Томас убирались вместе каждый будний день в течение четырех лет. На боку их маленького белого фургона красовалось не слишком оригинальное название «Бенсон и Томас, услуги по уборке». Натали написала ниже по трафарету «Знаем

о грязи все», но через два месяца Джесс обратила ее внимание, что половина звонков не имеет никакого отношения к уборке.

Сейчас они убирались почти исключительно в «Бичфранте». Мало у кого в городе была возможность — или желание — нанять уборщицу, не считая врачей, адвокатов и случайных клиентов вроде миссис Хамфри, которой мешал убираться артрит. Подобные старушки ценят чистоту наравне с благочестием, и прежде смыслом ее жизни были накрахмаленные занавески и надренное до блеска парадное крыльцо. Иногда Джесс и Натали казалось, что она целых сорок семь часов молчит и копит силы ради часа в их обществе. По средам они убирались у миссис Хамфри после Риттеров и Гордонов из «Бичфранта» и, если повезет, в тех загородных домиках, которые не достались другим компаниям по уборке.

Джесс тащила пылесос через прихожую, когда открылась передняя дверь. Миссис Риттер крикнула снизу:

— Это вы, девочки?

Для таких, как миссис Риттер, все женщины — «девочки», даже пенсионерки. «Мы с девочками классно оторвались субботним вечером», — говорила она, лукаво закатив глаза. Или: «И тогда я вышла в комнату для девочек...» И все же она им нравилась. Она никогда не унывала и не кичилась деньгами. И никогда не обращалась с ними как с уборщицами.

Натали и Джесс переглянулись. За долгое утро они уже отмыли две духовки (хватило же ума жарить свинину в выходные), а чай у миссис Хамфри неизменно одного цвета и консистенции с лаком для лестниц.

Через десять минут они сидели вокруг кухонного стола. Лиза Риттер пододвинула к ним тарелку с печеньем.

— Берите, берите. Ешьте, чтобы спасти меня от соблазна. — Она сжала несуществующий валик жира на талии.

Натали и Джесс вечно спорили, работает она или нет. Ей можно было дать от сорока до шестидесяти с хвостиком. Ее подкрашенные каштановые волосы были уложены мягкими волнами, она играла в теннис три раза в неделю, занималась пилатесом с частным инструктором, а знакомая Натали из местного салона уверяла, что раз в четыре недели ей делают восковую эпиляцию всего тела.

— Как твой Мартин, Джесс?

— Пока жив. Насколько я знаю, — ответила за нее Натали.

— Ах да. — Лиза Риттер кивнула, припоминая. — Ты говорила. Ищет себя, верно?

— Именно.

— Мог бы уже и найти. Времени было предостаточно. — Миссис Риттер сделала паузу и заговорщицки улыбнулась Джесс. — А малышка по-прежнему сидит, уткнувшись в учебники по математике?

— Сидит.

— У тебя такие замечательные дети! Иные здешние мамы понятия не имеют, что творят их отпрыски от зари до темна. На днях Джейсон Фишер и его дружки кидались яйцами в окна Денниса Гровера!

По ее голосу было не понять, что ее больше потрясло — хулиганство или напрасная трата продуктов.

Лиза Риттер успела рассказать половину истории о своей маникюрше и маленькой собачке с недержанием мочи, постоянно прерываясь и сгибаясь пополам от смеха, когда Натали взяла телефон.

— Миссис Хамфри пыталась дозвониться, — сказала она, отодвигаясь от стола. — Нам пора.

Она соскользнула со стула и направилась в коридор, чтобы забрать ящик с принадлежностями для уборки.

— Что ж, дом выглядит неплохо. Спасибо вам обещим. — Миссис Риттер пригладила волосы, на мгновение задумавшись. — Да, Джесс, помоги мне, пожалуйста, пока не ушла.

Большинство клиентов знали, что у Джесс золотые руки. Не проходило и дня, чтобы ее не просили помочь зашпатлевать трещину или повесить картину, уверяя, будто дел всего на пару минут. Джесс никогда не отказывала.

— Но если работы много, я вернусь попозже, — предупредила она и молча добавила: «И попрошу денег».

— Совсем немного. — Лиза Риттер направилась к задней двери. — Надо только помочь с чемоданом. Я потянула спину в самолете, и кто-то должен занести чемодан в дом.

— В самолете?

— Я навещала сестру на Мальорке. Теперь, когда дети в университете, у меня много свободного времени, вот и решила устроить себе отпуск на пару дней. Оставила Саймона одного, благослови его Боже.

— И когда вы вернулись?

Она недоуменно смотрела на Джесс:

— Вы же видели меня! Только что!

До Джесс дошло только через пару секунд. Хорошо, что хозяйка уже вышла на улицу, потому что Джесс побелела как мел.

Вот в чем проблема с уборкой. С одной стороны, это хорошая работа, если не брезгуешь чужими пятнами и клубками волос в сливном отверстии ванны. Джесс не брезговала, как ни странно. Она даже не возмущалась, что большинство съемщиков загородных домов живут

как в свинарнике, разбрасывая повсюду мусор — не то что дома, — поскольку знают, что придет уборщица. Зато можно работать на себя, в удобное время и даже выбирать клиентов, если дела идут хорошо.

Проблема, как ни странно, не в паршивых клиентах — хотя бы один паршивый клиент непременно найдется, — и не в грязи, и не в том, что, надраивая чужой унитаз, почему-то чувствуешь себя на ступеньку ниже, чем когда-то хотелось. Дело даже не в постоянной угрозе со стороны других компаний, не в брошюрах, которые подсовывают под дверь клиентам, обещая более низкую ставку за час. Дело в том, что в конце концов узнаешь о других людях больше, чем нужно.

Джесс могла бы рассказать о тайной страсти миссис Эдридж к покупкам: о счетах за дизайнерские туфли, которые она бросает в мусорное ведро в ванной комнате, о сумках с новехонькой одеждой с ярлыками в шкафу. Она могла бы рассказать, что Лена Томпсон четыре года пытается забеременеть и использует два теста в месяц (поговаривают, что она забывает снять колготки). Джесс могла бы рассказать, что мистер Митчелл из большого дома за церковь получает шестизначную сумму (он оставляет расчетные листы на столе в прихожей; Натали считает, что нарочно) и что его дочь тайком курит в ванной комнате и аккуратно складывает окурки на наружный подоконник.

При желании Джесс могла бы назвать имена женщин, которые выходят из дома опрятными, с идеально уложенными волосами, отполированными ногтями и каплей дорогих духов, но запросто могут бросить грязные трусы на полу, на самом видном месте. Или мальчишек-подростков, к заскоружлым полотенцам которых можно прикасаться исключительно щипцами. Или супругов, которые спят на разных кроватях, или жен, ко-

торые просят поменять белье в гостевой комнате, жизнерадостно уверяя, что в последнее время у них «жуть как много гостей». А еще Джесс могла бы сказать, в чьи туалеты можно заходить только в противогазе, повесив табличку «ХИМОПАСНОСТЬ».

Однако время от времени попадают приятные клиенты вроде Лизы Риттер, к которым забегаешь пропылесосить пол и возвращаешься домой, отягощенный знанием, без которого прекрасно мог обойтись.

Джесс наблюдала, как Натали выходит на улицу, держа ящик с принадлежностями для уборки под мышкой, и с ужасающей ясностью представляла, что будет дальше. Она видела кровать наверху, безупречно застеленную чистым бельем, полированные поверхности туалетного столика миссис Риттер, аккуратно взбитые подушки на маленьком диване в эркере. Она видела бриллиант, лежащий вместе с нацарапанной запиской на туалетном столике, маленькую сверкающую ручную гранату.

— Нат, можно тебя на два слова? — спросила Джесс, волоча чемодан мимо Натали.

Она попыталась поймать ее взгляд, но Натали увлеченно разглядывала туфли миссис Риттер.

— Туфли просто потрясающие! — выдохнула она.

— Правда? Я купила их в отпуске. С руками оторвала!

— Миссис Риттер летала в Испанию, Нат, — подчеркнула Джесс, остановившись рядом с ней. — В короткий отпуск!

Натали подняла взгляд и улыбнулась. Попробуем еще раз.

— Она вернулась сегодня утром.

— Чудесно, — просияла Натали.

Джесс ощутила, как внутри нарастает паника, словно неодолимый прилив.

— Отнесу-ка я его наверх, — сказала она, протиснувшись мимо миссис Риттер.

— О, это лишнее!

— Мне несложно.

Интересно, миссис Риттер заметила странное выражение ее лица? Можно подняться наверх. Ворваться в ванную, схватить сережку, сунуть в карман и затолкать Натали в машину, прежде чем подруга успеет проболтаться. И миссис Риттер ничего не узнает. А потом они решат, что делать с бриллиантом.

Джесс бросилась в заднюю дверь, но в глубине души уже знала, что случится.

— Кстати, Джесс вам сказала?

Она успела подняться до середины лестницы. В открытое окно донесся голос Натали, звонкий, как колокольчик.

— Мы нашли вашу сережку и подумали, может, вы знаете, где вторая.

— Сережку? — переспросила миссис Риттер.

— Бриллиантовую. Оправа, наверное, платиновая. Выпала из постельного белья. Вам повезло, что ее не засосало в пылесос.

Повисла короткая пауза.

Джесс закрыла глаза и замерла на лестнице в ожидании неизбежных слов.

— Откуда мне было знать, что у миссис Риттер не проколоты уши?

Они уныло сидели в своем фургоне. Натали курила. Она бросила шесть недель назад. В четвертый раз.

— Я не смотрю на чужие уши. А ты смотришь на чужие уши?

— Полагаю, вы ошиблись, — сказала Лиза Риттер. Ее голос напряженно дрожал, как будто она сжимала его в кулаке. — Похоже, это сережка моей дочери. Она забыла ее, когда в последний раз приезжала домой. У нее как раз есть такие.

— Ну конечно, — ответила Джесс. — Наверное, ее случайно подбросили в комнату. Или принесли на подшеве. Мы так и думали.

И когда миссис Риттер отвернулась, стало ясно, что все кончено. Никто не любит гонцов, приносящих дурные вести.

Никому не нужны уборщицы, которые знают, насколько у них плохи дела.

— Восемьдесят фунтов в неделю, железно. И доплата за работу в выходные. — Натали внезапно завизжала. — Вот же свинство! Найти бы эту шлюху с сережкой и избить за то, что мы потеряли свою лучшую работу.

— Она могла не знать, что он женат.

— Все она знала. — До знакомства с Дином Натали два года встречалась с мужчиной, у которого оказалась не одна, а целых две семьи на другой стороне Саутгемптона. — Ни один холостяк не раскладывает на диване подушки в тон.

— А Нил Брюстер? — возразила Джесс.

— Музыкальная коллекция Нила Брюстера на две трети состоит из Джуди Гарленд и на треть — из «Пет шоп бойз».

В конце дороги пухлый карапуз аккуратно рухнул на землю, словно подрубленное дерево, мгновение помолчал и пронзительно завопил. Его мать держала на весу две охапки пакетов с покупками и смотрела на малыша в безмолвном замешательстве.

— Слушай, ты же помнишь, как она сказала на той неделе, что скорее избавится от своего парикмахера, чем от нас.

— Не от нас, а от уборщиц. Это другое дело. Ей плевать, кто у нее убирается — «Скорочисты», «Девушки со швабрами» или мы. — Натали покачала головой. — Впрочем, нет. Теперь мы уборщицы, которые знают правду о ее муже. Для таких, как она, это важно. Лишь бы никто ничего не заподозрил.

Мать поставила пакеты и наклонилась поднять карапуза. Через пару домов Терри Блэкстон вынырнул на шум из-под капота «форда», который уже восемнадцать месяцев не трогался с места.

Джесс закинула босые ноги на приборную панель и уткнулась лицом в ладони.

— Вот дерьмо! Нат, где мы теперь возьмем денег? Это была наша лучшая работа.

— Такой опрятный дом. Достаточно было пару раз в неделю навести лоск. — Натали глядела в окно.

— И она всегда платила вовремя.

— И отдавала нам ненужные вещи.

Перед глазами Джесс сверкала бриллиантовая сережка. Не надо было ее поднимать. Лучше бы они ее украли!

— Ладно, она нас уволит. Давай сменим тему. Мне нельзя плакать перед сменой в пабе.

— Как скажешь. Марти звонил на этой неделе?

— Я не имела в виду «сменим тему на *эту*».

— Так он звонил?

— Ага, — вздохнула Джесс.

— Он объяснил, почему не позвонил неделю назад? — Натали сбросила ноги Джесс с приборной панели.

— Нет. — Джесс физически ощущала ее взгляд. — И нет, он не прислал денег.

— Да неужели? Ты должна натравить на него Агентство по взысканию алиментов. Нельзя, чтобы так продолжалось и дальше. Он обязан присылать деньги собственным детям.

Это был старый спор.

— Он... он еще не встал на ноги, — ответила Джесс. — Я не могу давить на него. Он еще не устроился на работу.

— Что ж, деньги тебе сейчас понадобятся. Пока мы не найдем другую работу, не хуже, чем у Лизы Риттер. Как Никки?

— Ну, я заглянула в дом Джейсона Фишера, чтобы поговорить с его мамой.

— Серьезно? Я боюсь ее до смерти. Она пообещала, что велит оставить Никки в покое?

— Что-то вроде того. — (Натали смотрела на Джесс, открыв рот.) — Она сказала, что, если я еще раз заявлюсь к ней на порог, она размажет меня по стенке. Меня и моих... как же она выразилась?.. меня и моих «чокнутых детей». — Джесс опустила пассажирское зеркало, поправила волосы и стянула их в конский хвост. — Да, а потом она заявила, что ее Джейсон мухи не обидит.

— Как всегда.

— Ничего. Со мной был Норман. Он просто прелесть — навалил огромную кучу прямо рядом с их «той-отой», а я совсем забыла, что у меня в кармане полиэтиленовый пакет. — Джесс опять закинула ноги на приборную панель.

Натали снова сбросила их и протерла панель влажной салфеткой.

— И все-таки, Джесс, я серьезно. Как давно Марти уехал? Два года назад? Пора тебе вернуться в седло. Ты

молода. Сколько можно ждать, пока он разберется в себе? — поморщилась она.

— Вернуться в седло. Мило.

— Ты нравишься Лайаму Стаббсу. Можешь на это рассчитывать.

— Любая сертифицированная пара X-хромосом может рассчитывать на Лайама Стаббса. — Джесс закрыла окно. — Я лучше книжку читаю. Кроме того, у детей хватает забот и без знакомства с новыми папочками. — Она посмотрела на небо и сморщила нос. — Выпью чая, и пора собираться в паб. Я быстренько обзвоню клиентов перед уходом, может, кому-нибудь нужна внеплановая уборка. К тому же вдруг она нас не уволит.

Натали опустила окно и выдохнула длинную струйку дыма.

— Ну конечно, Дороти. И мы найдем себе новую работу — убираться в Изумрудном городе, в конце Дороги из желтого кирпича.

В доме номер четырнадцать на Сикоув-авеню грохотали отдаленные взрывы. Танзи недавно подсчитала, что с тех пор, как Никки исполнилось шестнадцать, восемьдесят восемь процентов свободного времени он проводит в своей комнате. Джесс прекрасно его понимала.

Она бросила свой ящик с принадлежностями для уборки в прихожей, повесила куртку, поднялась наверх, чувствуя привычное легкое смятение при виде протертого ковра, и толкнула дверь сына. На нем были наушники, он в кого-то стрелял; запах травки был настолько сильным, что у нее закружилась голова.

— Никки, — произнесла Джесс, и кто-то взорвался под градом пуль. — Никки! — Она подошла к нему и сдернула наушники, так что он обернулся с немного

растерянным видом, как будто его вырвали из сна. — Трудисься не покладая рук?

— Надо же немного отвлечься.

Она взяла пепельницу и поднесла к его носу:

— Я тебя предупреждала.

— Это вчерашняя. Не мог заснуть.

— Не кури в доме, Никки.

Бессмысленно было просить его не курить вообще. Все в округе курили. Ей еще повезло, что он начал только в пятнадцать.

— Танзи вернулась? — Джесс наклонилась, подбирая с пола разбросанные носки и чашки.

— Нет. После обеда звонили из школы.

— Что?

Он что-то напечатал в компьютере и повернулся к ней:

— Не знаю. Что-то насчет школы.

И тогда она это увидела. Отвела в сторону прядь крашенных черных волос: на его скуле краснела свежая отметина. Он уклонился.

— С тобой все в порядке? — (Он пожал плечами и отвел глаза.) — Они снова к тебе приставали?

— Со мной все хорошо.

— Почему ты не позвонил?

— Денег на счету не было. — Никки откинулся назад и швырнул виртуальную гранату. Экран взорвался клубком пламени. — Номер телефона на столе. Если это насчет меня, то я был в школе в пятницу. Наверное, меня просто не заметили. — Он снова надел наушники и прилип к экрану.

Никки переехал к Джесс восемь лет назад. Он был сыном Марти от Деллы, женщины, с которой Марти недолго встречался в юности. Ребенок был молчаливым

и настороженным, с длинными тонкими руками и ногами и волчьим аппетитом. Его мать связалась с очередной компанией и в конце концов умотала в центральные графства с неким Большим Элом, который не смотрел людям в глаза и вечно сжимал в огромном кулаке банку пива «Теннентс экстра», будто ручную гранату. Никки нашли спящим в школьной раздевалке, и когда социальные работники перезвонили, Джесс сказала, что он может переехать к ним.

— Только этого тебе не хватало, — сказала Натали. — Еще один голодный рот.

— Он мой пасынок.

— Ты видела его два раза за четыре года. А тебе нет и двадцати.

— Такие нынче семьи пошли. Не у всех 2,4 ребенка¹.

После она иногда задумывалась, не стало ли это последней каплей, заставившей Марти отказаться от ответственности за семью. Но Никки был хорошим мальчиком, несмотря на волосы цвета воронова крыла и подведенные глаза. Он был ласков с Танзи, а в хорошие дни болтал, смеялся и даже позволял Джесс время от времени неуклюже обнимать его. Она была рада, что он живет с ними, пусть иногда ей и казалось, что у нее стало на одну заботу больше.

Джесс вышла в сад с телефоном и глубоко вдохнула; ее желудок завязался узлом от беспокойства.

— Э-э-э... Алло? Это Джессика Томас. Мне передали, чтобы я позвонила. — Пауза. — Если это насчет Никки, то я проверила его расписание уроков. Он сказал, что ему разрешили повторять пройденное дома, и я думала, что это...

1 2,4 ребенка — когда-то среднестатистическое количество детей в британской семье; стереотипная характеристика «нормальной» семьи.

— Миссис Томас, я звонил насчет Танзи.

Приступ паники. Она опустила взгляд на номер, запоминая.

— Танзи? С ней... что-то случилось?

— Простите. Я должен был представиться. Я мистер Цвангарай, учитель Танзи по математике.

— А!

Она помнила его: высокий мужчина в сером костюме. Лицо как у владельца похоронного бюро.

— Я хотел поговорить с вами, поскольку несколько недель назад имел очень интересную беседу со своим бывшим коллегой, который работает в Сент-Эннз.

— Сент-Эннз? — Джесс нахмурилась. — Частной школе?

— Да. У них есть стипендиальная программа для детей, которые исключительно одарены в математике. И, как вам известно, Танзи уже попала в списки «талантливых и одаренных».

— Потому что она хороша в математике.

— Более чем хороша. В общем, мы дали ей письменную работу на прошлой неделе. Не знаю, упоминала ли она об этом? Я отправил вам письмо. Вы его получили?

Джесс, сощурившись, смотрела на небо. Чайки кружили и ныряли на сером фоне. Через несколько садов Терри Блэкстон подпевал радиоприемнику. Он любил изображать Рода Стюарта, когда думал, что никто его не видит.

— Мы получили результаты сегодня утром. Она прекрасно справилась. Просто превосходно. Миссис Томас, если вы согласны, они хотели бы пригласить ее на собеседование для поступления на дотируемое место.

— Дотируемое место? — Джесс обнаружила, что повторяет его слова.

— Для некоторых детей с исключительными способностями Сент-Эннз значительно снижает плату за обучение. Это значит, что Танзи получит превосходное образование. У нее исключительные математические способности, миссис Томас. Я уверен, это прекрасная возможность для нее.

— Сент-Эннз? Но... ей придется ездить на автобусе через весь город. Ей понадобится форма и так далее. Она... она никого не будет знать.

— Она заведет друзей. Но это уже детали, миссис Томас. Давайте подождем и узнаем, что решит школа. Танзи исключительно талантливая девочка. — Он сделал паузу. Когда она ничего не сказала, он понизил голос: — Я преподаю математику почти двадцать два года, миссис Томас. И ни разу не встречал ребенка, который схватывал бы математические концепции на лету, как она. Боюсь, мне уже нечему ее научить. Алгоритмы, вероятности, простые числа...

— Хорошо. Дальше можете не рассказывать, мистер Цвангарай. С меня достаточно «талантливой и одаренной».

— Я буду на связи, — засмеялся он.

Она положила трубку и плюхнулась на белый пластмассовый садовый стул, который был в доме, когда они въехали, и с тех пор оброс тонкой пленкой изумрудного мха. Она смотрела в никуда, через окно на занавески, которые Марти всегда считал слишком яркими, на красный пластмассовый трехколесный велосипед, который у нее до сих пор не дошли руки выкинуть, на соседские окурки, разбросанные по ее дорожке, как конфетти, на гнилые доски изгороди, между которых ее собака любила просовывать голову. Несмотря на свой откровенно напрасный — по мнению Натали — опти-

ОДИН ПЛЮС ОДИН

мизм, Джесс ощутила, как ее глаза внезапно наполняются слезами.

Ужасно, когда уходит отец твоих детей. Проблемы с деньгами, подавленная злость за детей, большинство замужних подруг считает тебя потенциальной разлучницей. Но хуже этого, хуже бесконечной, постоянной, чертовски выматывающей, высасывающей деньги и силы борьбы — то, что быть единственным родителем, когда это не по плечу, значит быть самым одиноким человеком на земле.